

Знакомство с Юргеном Мозером¹

Л. Кьеркиа

Dipartimento di Matematica, Universit'a Roma Tre
Largo S. L. Murialdo 1, I-00146 Roma, Italy

Я познакомился с Юргеном Мозером на конференции в Высшей нормальной школе в Пизе в 1981 году. В то время я заканчивал работу по КАМ-теории (теории Колмогорова–Арнольда–Мозера) на степень магистра под руководством Джованни Галлавотти. В частности, мы пытались доказать теорему о гладкости по Уитни семейств лагранжевых торов для общих вещественно-аналитических, почти интегрируемых гамильтоновых систем и хотели обсудить с Мозером полученные результаты. В то время электронной почты еще не было, поэтому на конференцию в Пизе я привез отпечатанное письмо и робко вручил его очень занятому Мозеру, который даже не взглянул на меня. Однако, как оказалось позже, полученный результат был ему весьма интересен. Выяснилось также, что над интегрируемостью на канторовых множествах почти интегрируемых гладких гамильтоновых систем, в том числе с использованием дифференцируемости по Уитни, трудится Юрген Пешель, который в то время был аспирантом Мозера. К моменту завершения конференции в Пизе, после одного из последних докладов, Мозер, сидевший в первом ряду, повернулся и прошептал: «Галлавотти» (а его на конференции не было). Я быстро понял, что происходит: он не помнил, как я выгляжу, и при этом не знал, как произнести мою сложную фамилию (что совсем не редкость), и, не желая ошибиться, использовал для привлечения моего внимания самое узнаваемое «ключевое слово». Тогда я встал и представился. Мозер попросил меня подняться за *ними* наверх. Под «ними» подразумевались Мозер и Эннио Де Джорджи, которого я также видел впервые. Пока мы поднимались по лестнице великолепного *Палаццо делла Карована*, Мозер расспрашивал Джорджи о настенных гобеленах и любезно попросил меня выступить в роли переводчика, поскольку Де Джорджи не говорил по-английски. Мне польстило, что два этих великих человека не могут понять друг друга без моей помощи. . . и не важно, что предметом их разговора была не математика, а всего лишь гобелены!

Впоследствии мне неоднократно удавалось побеседовать с Юргеном Мозером о математике, особенно, когда, уже получив степень кандидата наук, я приехал в Научный математический институт Федеральной политехнической школы (ETH) Цюриха, которым он руководил с 1980 года до выхода на пенсию. Я мгновенно осознал, что Мозер, будучи сам по себе очень добрым человеком, еще и очень любил обсуждать математические проблемы с молодежью, направляя их к решению. Он всегда отличался большим терпением и адаптировал свой математический язык к уровню своего собеседника. Помню, как однажды я не согласился с его мнением относительно

---

¹Перевод с английского. Оригинальное издание: L. Chierchia, Meeting Jürgen Moser, *Regul. Chaotic Dyn.*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 5–6.

какой-то проблемы (полагаю, это было что-то, касающееся структуры рядов Линдштедта). Пару минут Мозер еще пытался переубедить меня, а потом прекратил спорить и улыбнулся: «А насчет этого предлагаю заключить пари!»

Вообще, молодежь склонна к безрассудствам, но я был не настолько самоуверен, чтобы заключать пари по вопросу, связанному с КАМ-теорией, с самим Мозером. Поэтому, попросив еще немного времени на повторное обдумывание, я ретировался. Я, кстати, уже не помню, чем завершился тот спор (равно как и о чем именно мы тогда спорили), но склонен полагать, что прав был все-таки Мозер. . .

Нередко рассуждениям великих математиков сложно внимать, ибо они любят рисовать «Большую Картину», которую обычно очень сложно понять. Безусловно, Мозер тоже был на это способен, но он предпочитал оказывать реальную помощь по техническим вопросам. Так, однажды (в тот же мой визит в ЕТН) я застрял на какой-то теоретической лемме, касающейся взвешенных оценок аналитических функций, и обратился с этой проблемой к Мозеру. Должно быть, уже было поздно, поскольку чудеснейшей Лизелотты Каррер (которая тогда была секретарем FIM) уже не было на месте. В тот же вечер, после ужина, у меня дома раздался телефонный звонок: это был Мозер; он попросил меня разъяснить некоторые подробности вопроса, который я задал ему днем. На следующее утро Мозер пришел в мой рабочий кабинет с написанным от руки доказательством моей леммы. Этот листок бумаги хранится у меня до сих пор.

Кроме того, Мозер был весьма практичным человеком. Как-то раз меня вместе с Сергиу Клайнерманом пригласили к нему домой на ужин, а жили Мозеры в пригороде Цюриха. После ужина мы с Сергиу сели в машину, чтоб вернуться домой, но, выезжая с дороги, ведущей к дому Мозеру, повернули не в ту сторону. Через несколько минут, в самом разгаре обсуждения последнего футбольного матча, мы услышали настойчивый сигнал автомобильного клаксона. Это был Мозер, который, увидев, что мы ошиблись поворотом, прыгнул в машину, чтоб догнать нас и сообщить нам об этом!

Знакомство с Юргеном Мозером было для меня огромной честью, привилегией и истинным удовольствием.